

РИТАУЛЫ, ОБЫЧАИ, ТРАДИЦИИ ДРЕВНИХ ТЮРКОВ И ИХ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ В КУЛЬТУРЕ КАЗАХСКОГО НАРОДА

Nurila G. ŞAYMERDİNOVA*

Eski Türk Milletlerin Ritüelleri, Töreleri, Gelenekleri ve Onların Kazak Milletinin Kültüründeki Ardılığ

Özet:

Bu makalede ritüeller, töreler ve gelenekler milletlerin etnik tanılaması konusunda en önemli faktörler olarak kabul ediliyor: Çağdaş Türk milletlerin ritüelleri ve gelenekleri eski Türk etnik kültürü dayanıyor ve o eski kültürün en önemli örneği runik Orhon Anıtları üzerine yazılmış olan metinler. Eski Türk etnik kültürü Türk milletlerin dünyayı nasıl gördükleri bakış açısından inceleniyor. Bu yaklaşım eski Türk milletlerin temel manevi değerlerinin öğrenilmesini sağlıyor. Makale yazarı eski Türk ritüellerini analiz ediyor: balbal ve baş balbal koyma ritüeli; savaşçı-kahramanın kabul töreni; eski Türk milletlerin gerçeği modeli olarak sayılan gömme ritüeli. Eski Türk milletlerin ritüellerinin ve geleneklerinin çoğu çağdaş Türk milletlerin kültürlerinde büyük bir önem taşımaya devam ediyor.

Anahtar kelimeler: *Etnik tanılama, ritüeller, töreler, gelenekler, yazılı eserlerin runik anıtları, eski Türk balbalları, kabul töreni, gömme ritüelleri, ritüellerin ardılığı, Kazak milleti.*

Rituals, Customs and Traditions of Ancient Turkic People and Its Succession in the Culture of Kazakh People

Abstract:

Rituals, rites, and traditions in this article are considered as one of fundamental factors of ethnical identification of nations. Rituals and traditions of modern Turkic

* Доктор филологических наук, профессор Евразийский национальный университета им. Л.Н.Гумилева г. Астана/ Казахстан, nurila1607@mail.ru

nations date back to ancient Turkic ethnic culture, which was captured in texts of Or-hon runic monuments. Ancient Turkic ethnic culture is considered from the position of conception of the world, which gives an opportunity to define basic values of ancient Turkic people. The author analyses ancient Turkic rituals such as the ritual of installation of balbals and head balbal; rite of initiation as a reflection of formation of hero warrior; burial rites as stereotypic model of ancient Turkic reality. Many of ancient Turkic people rituals found succession in ethno-culture of Turkic nations, including Kazakh nation.

Key words: *Ethnic identification, rituals, rites, traditions, runic monuments, ancient Turkic balbals, initiations, burial rites of Turkic people, succession of rituals, Kazakh folk.*

Исследование проблем этнической идентификации является актуальным во взаимодействии и взаимовлиянии культур Запада и Востока, так как в этнических константах проявляется дух и самобытность любого народа, его мироощущение и миропонимание, его образ жизни, отличающаяся от других этносов его духовная и материальная культура. Этническую идентификацию человека можно определить по различным критериям, которые мы обобщаем следующим образом:

кровное родство некоторой группы людей (рода, клана), в пределах которого человек одновременно осознаёт себя «свободным от рождения, свободным по рождению» и противопоставляет себя «другим – чужим, врагам, рабам»;

- биологические критерии (внешность: цвет кожи, цвет волос, форма лица, ведущая рука и т.д.);
- социальные (отношение к женщинам и мужчинам, к пожилым людям, к детям, месту жительства);
- политические (правые-центр-левые, демократы-либералы-коммунисты, республиканцы- демократы);
- общность языка, территории, экономической жизни (Шаймердинова 2014: 147).

Однако среди них всех этих параметров наиболее важными и существенными этническими показателями являются **общность ритуалов, обрядов, традиции**, которые формировались еще в древнейшее время в эпоху палеолита и неолита. В магических ритуалах верхнего палеолита раскрывается архаичность сознания древнего человека, его попытка осознать окружающий мир, понять тайны природы и место человека в нем. Ритуалы как формы «превращенного сознания» являются важным источником хранения и передачи информации о мире (Тайлор: 1989 76). Об этом свидетельствуют рисунки в пещерах Франции (Ласко, Пеш-мерль, Руфиньяк), Испании (Альтамир, Кастильо), Южного Урала

(Каповая пещера), рисунки и петроглифы на скалах, пещерах Южной Сибири, Горного Алтая и Казахстана. Поэтому история всех народов и этносов цивилизованных/варваров пронизана всевозможными ритуалами и обычаями, связанные с верованиями, родом занятий, повседневной жизнью и отношениями людей к друг другу (Levi Strauss 1964: 37). В данном контексте истоки ритуалов и обычаев тюркских народов восходят к эпохе тюркских каганатов, а может еще глубже к эпохе гуннов и саков. Традиции и ритуалы тюркских народов, как символы тюркской идентичности, тюркской культуры, ментальности и менталитета нашли яркое отражение в древнетюркских рунических памятниках, орхонских, енисейских, семиреченских, восточнотуркестанских. Так, в орхонских памятниках таких, как Кюль-тегин, Бильге-каган, Тоньюкук, Куличор, наряду с описанием фактических событий, походов и сражений древних тюрков, раскрываются их традиции, ритуалы, обряды и обычаи, содержащие важную информацию (знания) о древнетюркском социуме, раскрывающие картину мира древних людей. К таким этнокультурным константам относятся:

- возведение балбалов и головного балбала;
- проведение обряда инициации;
- описание погребальных обрядов каганов и тегинов.

Археологические раскопки показывают, что во всех поминальных комплексах позднего тюркского каганата, наряду со стелами, каменными скульптурами людей и животных, храмами и другими предметами материальной культуры, были обнаружены каменные столбы, или балбалы (Iblb). П.М. Мелиоранский, один из первых исследователей древнетюркских Орхонских памятников, писал: «Из китайских источников мы знаем, что у турков было в те времена обыкновение расставлять при надгробном памятнике знатного лица вереницу каменных фигур или камней в память убитых покойным врагов. Исследование орхонских памятников показало, что камни эти назывались тогда балбалами; при памятнике Кюль-тегина их особенно много, так как этот знаменитый витязь перебил на своём веку не одну сотню врагов» (Мелиоранский 1887: 4).

Несмотря на то, что балбалы в тюркологической науке достаточно исследованы (П.М. Мелиоранский, Н.И. Веселовский, В.В. Бартольд, В.Л. Котвич, Т.Текин, Л.Р. Кызласов,), однако до сих пор нет однозначного мнения по их именованию и функции. По одной из версий, балбалы интерпретировались как скульптуры или изваяния людей. «Начало этой ошибке,—пишет Л.Р. Кызласов,— было положено Н.И. Веселовским, которого неосмотрительно поддержал В.В.Бартольд». И далее учёный

пишет: «Мне уже пришлось специально рассматривать назначение каменных изваяний людей. Ни на одном человеческом изваянии нет древнетюркских надписей с указанием, что это *балбал*. Зато такие надписи обнаружены на простых камнях у древнетюркских памятников Бильге-кагана и Алп Элетмиша (Онгинском). Они гласят: «Это–каменный балбал шада Толесов» и «Балбал Сабра таркана». Балбалы не имеют ничего общего с каменными фигурами, изваяниями или статуями людей; балбал – это не изображение и тем более не статуя, изображающая главного врага, а лишь – камень, символизирующий убитого врага и не имеющий особой формы, достигавшейся специальной обработки» (Кызласов 1966: 207).

Мы разделяем точку зрения Л. Р. Кызласова и считаем, что балбалы (Ib1b), называемые в тюркологии то *каменными бабами*, то *статуями*, то *изваяниями*, то «*знаками позора врагов*» служили знаками-символами, знаками победы над противником: *Когда мой старший сын умер от болезни (от раны?), поставил ему балбалом Кун-сенгуна* (Малов 1951: 36).

На наш взгляд, балбалы являются отражением древнетюркской картины мира, древнетюркской действительности. Как правило, они были частью ритуального захоронения тюркской знати – каганов, тегинов. На балбалах нет никакой надписи, и устанавливались они после смерти каганов с внешней стороны поминальных комплексов и обязательно в направлении на восток. Цепочка балбалов во главе с головным балбалом растягивалась на несколько километров, о чем свидетельствуют описания таких памятников, как:

- Онгинского: «*С внешней стороны от рва находится одинокий балбал, не содержащий знаков. От него на восток почти на 1 км. Растянулась цепь из 170 балбалов*» (Жолдасбеков и др. 2006: 96).

- Кюль-тегина: «*Далее на восток, на 2,3 км. Протянулся ряд из 173 каменных балбалов*» (Жолдасбеков и др. 2006: 122).

- Кошо-Цайдама III: «*Рядом с ограждением находятся скульптура животного, три каменные фигуры людей и один головной балбал, от которого на восток протянулась цепь балбалов* » (Жолдасбеков и др. 2006: 206).

- Бильге-кагана: «*... у самого входа установлен головной балбал с надписью «Толес шадын таш балбалы».* Начиная с этого камня, с внешней стороны мемориала на 3 километра к восходу растянулся ряд из 230 балбалов» (Жолдасбеков и др. 2006: 220).

- Тонь-юкука: «*Прямо за внешними воротами вала, к востоку, на*

расстоянии 3,5 км. Тянется цепь балбалов..., установлено 286 камней» (Жолдасбеков и др. 2006: 276).

- Кули-чора: «За пределами комплекса, поодаль от рва, цепочкой к востоку установлены 165 балбалов. Их ряд растянулся на 1000 м.» (Жолдасбеков и др. 2006: 336).

Текстологический анализ памятников показал, что в балбалах запечатлены ряд социально-этических смыслов древнетюркского мира. Главным из них—**возвеличивание и персонификация** отдельной личности, поскольку балбалы возводились не рядовым воинам и военачальникам, а лицам, наделенным властью—каганам, шадам и тегинам. Так, в текстах Кюль-тегин и Бильге-каган описывается, что балбалы были поставлены Кутлук-кагану, основателю второго тюркского каганата: *В честь моего отца-кагана во главе (вереницы могильных камней) поставили «балбалом» (изображение) Баз-кагана; его брату Капаган-кагану: В честь моего дяди-кагана я поставил во главе (вереницы могильных камней) «балбалом» киргизского кагана* (Малов 1951: 38-39). Цепочка балбалов во главе с головным балбалом была поставлена и Кюль-тегину.

На наш взгляд, в аспекте персонификации личности раскрывается и понятие «**головной балбал**», смысл которого до сих пор в тюркологической текстологии не получил объяснения. Выдающимся каганам позднего тюркского каганата Кутлуку-кагану и Капаган-кагану, при правлении которых тюркское кочевое государство было сильным, могущественным, процветающим (*о чем свидетельствуют исторические источники и китайские династийные хроники*), в качестве головных балбалов были поставлены символы не рядовых воинов, а Баз-кагана (Baz qaγan **𐰉𐰺𐰽𐰸**) и киргизского кагана, т.е. титуловоной знати. Поэтому «головной балбал» олицетворяет высокий социальный статус, с одной стороны врага, с другой—того, в честь которого воздвигался поминальный комплекс.

В целом балбалы символизировали не близких и дорогих людей умершего человека, а **образы врагов, иллюстрировали их «вечный позор»**. В этом «обыкновении» древних тюрков, на наш взгляд, заключается предупреждение врагам (вот, что с вами может приключиться, если будете воевать с тюрками), возвеличивание силы и мужества своего героя (кагана, тегина). Более того в этом отражается самобытность древнетюркской культуры, ибо в истории развития древних цивилизаций, да и нашей современной действительности вряд ли найдутся случаи увековечивания в памятниках образов врагов.

Наконец, для понимания древнетюркского мира важным является

постановка балбалов с восточной стороны поминальных комплексов. Восточная сторона в сознании древних тюрков ассоциируется с восходом солнца, дневного света, тепла, в то время как запад и западная сторона символизируют закат солнца, тьму, холод. Таким образом, как во многих древних культурах, в этнокультуре древних тюрков восток наделен аксиологически ценностными смыслами и означает возрождение, удачный поход, победу над врагами (Шаймердинова 2009: 117).

Картина мира древних тюрков раскрывают ритуалы, интерпретирующие социальный **статус мужчины в древнетюркском обществе**. По мнению Л.Н. Гумилёва, С.Г. Кляшторного, Ю.А. Зуева и других историков, в древнетюркском обществе существовала стереотипная социальная иерархия: каган, катун (жена кагана, заметим, что статус жены-правительницы был очень высок), шады, апа-тарханы, тегины, беки, военачальники, аристократы по крови, рядовые воины, на самой нижней ступени социальной иерархии воины-пленники (Гумилев 1993: 56), (Кляшторный 2003: 93). В тексте памятника Бильге-каган достаточно широко освещается верховная знать, в руках которой была сосредоточена власть и которая была опорой для верховного правителя кагана: *Когда отец мой, Бильге-каган был на престоле, тепершние тюркские беки: на западе тардуш-беки, шады, апыты, беки во главе с Кули-чором; на востоке беки во главе толес-беки, апа-тарханы, все шады, апыты, военачальники, Таман-тархан, Туи-укук-бойла тархан, внутренние военачальники во главе с Себик-Куль-еркином – все нынешние беки были равные опорой моего отца-кагана* (Жолдасбеков и др. 2006: 262).

Однако в социально иерархической системе древнетюркского общества особым статусом наделяется почётное звание муж-воин **ер/эр** (𐰉𐰺). В условиях постоянных походов и сражений с «чужими» и «своими» в качестве общественного идеала выступает муж-воин, **ер**, защитник семьи, лагеря, каганата. Поэтому у древних тюрков был распространён обряд инициации: мальчик или юноша, чтобы получить «мужское имя» должен был совершить охотничий или воинский подвиг. Например, в тексте памятника Кули-чора описывается, что предводитель правого крыла древнетюркского государства Кули-чор очень рано совершает этот обряд инициации: *«в семь лет убивает горную козу, а в десять лет – дикого кабана»* (Жолдасбеков и др. 2006: 344). Кюль-тегин в десять лет *«получил геройское имя (стал зваться мужем, т.е. богатырём)*.

Таким образом, обряд инициации означает особый статус вооруженного воина-защитника очага, племени, территории, государства, что является одним из важных символом всей номадической культуры кочевой цивилизации.

Среди ритуалов и обычаев, нашедших отражение в текстах, особое описание получили ритуалы захоронения, элементы которых сохранились в традиции многих современных тюркских народов, в частности, в культуре казахского народа.

Повествование о подвигах Кюль-тегина, Кули-чора, правлении Бильге-кагана заканчивается описанием их смерти и ритуалами, связанными с их захоронениями. Известно, что у Кюль-тегина и Бильге-кагана указаны точные даты смерти и захоронения. *«Мой отец хан умер в год Собаки (734), в десять месяцев, двадцать шестого числа. В год Свиньи в (735), пятый месяц, в двадцать седьмой день устроил похороны»*,—пишет сын Бильге-кагана Йолуг-тегин (Малов 1951: 43). В мировоззрении средневекового человека микрокосмос и макрокосмос (Вселенная) воспринимались в едином пространственно-временном континууме. Потому смерть – это бессмертие или продолжение жизни в другом измерении, и человек, по представлению древних тюрков, из мира людей переходил («улетал», *uçdı*) в мир космоса: *Кюль-тегин улетел (т.е. умер) в год овцы, семнадцатый день»* (Малов 1951: 43).

Ритуалы захоронения в текстах обычно даются в рамках стереотипных моделей, которые, на наш взгляд, можно определить следующие понятийные компоненты:

оповещение о смерти,

- приезд соплеменников и даже врагов для выражения соболезнования,
- описание процесса скорби и печали,
- приношение даров,
- раздача имущества,
- проведение поминальных асов,
- возведение поминальных комплексов.

• Все эти ситуации описаны в текстах, и каждая из них занимает важное место в общей целостной картине мира древних тюрков. Для древних тюрков, да и для современных тюркских народов очень важно, какие значимые в социуме люди участвовали в погребальном обряде. Поэтому в Кюль-тегине детально описано: *«В качестве плачущих и стонущих пришли кытай и татабийцы во главе с Удар-Сенгуном; от кагана табгачей пришли Исъи и Ликенг... от тибетского кагана пришёл бёлён; сзади (т.е. с запада) от народов, живущих в странах солнечного заката согд, берчекер (персы) и бухарские народы – пришли Нек-Сенгун и Огул-Тархан. От народа «десяти стрел» и от сына моего, кагана тюргеишского, пришли Макрач, хранитель печати, и хранитель печати*

Огуз-Бильге; от киргизского хана пришёл Чур-Тардуи_Ынанчу» (Малов 1951: 43).

В данном контексте смерть бесстрашного Кюль-тегина опечалило всех – и близких, и друзей, и врагов (табгачи, тюргеши, киргизы и др.), внимание обращается на столь важных людей – как каганы, и их представителей, военачальников и беков, образованные люди того времени, к числу которых, видимо, относились и хранители печати («Макрач», «Огуз-Бильге»). Люди не просто выражали соболезнование, но и, как правило, воздавали умершему «высокую хвалу, прославление».

Проводы в последний путь у древних тюрков обязательно сопровождался обрядом громкого оплакивания родственниками, близкими или профессиональными плакальщиками, уоуісі, 𐰉𐰺𐰽 : *из глаз моих лились слёзы, сильные вопли исходили из глубины сердца, плачущие, стонущие*. Кроме того, плач, стенания (уоуіламіс, 𐰉𐰺𐰽𐰺𐰽𐰽) и другими эмоциональными действиями – резали волосы, уши, щёки. Так, в тексте Бильге-кагана в описании погребального ритуала отмечается: *«Столь много народа порезало себе волосы, уши, щёки»* (Üküs bodun quldaqun, saşun buştı). (Жолдасбеков и др. 2006: 262).

Обязательным было приношение даров, видимо, в знак поддержки и материальной помощи семье умершего. Эти дары содержат информацию о социально-экономических отношениях в древнетюркском государстве: *«...бесчисленное количество золота и серебра»* (текст Кюль-тегина), в тексте Бильге-кагана пишется: *«...безмерное количество золота и серебра они принесли. Они доставили без числа своих хороших верховых лошадей, чёрных соболей, голубых белок и пожертвовали покойнику»* (Малов 1951: 44). Следовательно, социально-экономические отношения общества не были регламентированы, по крайней мере, достаточно широко, денежными знаками; напротив, использовался натуральный обмен товарами, а также древняя цивилизация хорошо знала цену драгоценных металлов – золота и серебра. В тексте Бильге-кагана относительно даров имеется ещё одна этнокультурная деталь: *«Погребальные курительные свечи они принесли и установили их. Они принесли сандаловое дерево»* (Жолдасбеков и др. 2006: 271). Мы можем только строить догадки по поводу курительных свечей и выдвигать гипотезы относительно символа сандалового дерева.

В свою очередь всё материальное состояние умершего раздавалось народу. По этому обычаю четыре тысячи лошадей, золото и серебро Кюль-тегина были розданы народу. Материальное же благосостояние семьи и близких умершего зависело от покровительства верховного божества Тенгри. Наконец, в честь умершего человека устраивались поминальные асы.

Как видно из содержания текстов, завершается погребальный ритуал возведением поминального (по другой терминологии) ритуального комплекса для увековечивания славных дел и подвигов каганов и тегинов: *Надгробное здание, резные (фигуры?) и камень с надписью в честь его – мы всё (это) освятили в год Обезьяны, в седьмой месяц, в двадцать седьмой день* (Малов 1951: 44).

Обязательно в текстах упоминаются мастера (bedizçi) , которые вырезали тексты памятников и возводил поминальные комплексы. Комплексы, по мнению археологов и историков, включают целый ряд материальных артефактов. Сооружался храм, внутри него высекалась каменная скульптура кагана и его жены. На внутренних стенах храмов выбивались сюжеты из военных подвигов или растительный орнамент, за храмом обычно рядами располагались скульптурные изваяния людей и животных. Главным атрибутом священных комплексов была четырехгранная стела (beṅgü taş,) , установленная на спине каменной черепахи, символизирующей вечность и мудрость. За воротами утрамбованной платформы на многие километры тянулись вереницы балбалов с головным балбалом во главе.

Многие традиции древних тюрков имеют анималистический характер: передовая часть воинов раннего тюркского каганата называлась «böri» (böri), в позднем тюркском каганате – «түйғын» (tujuun) (по свидетельству историков, «туйгунами» именовались птицы, обитавшие на горных хребтах Алтайских гор). В объединённом тюркском каганате передовых воинов именовали «кырги» (қарға). Ворона (қарға) считалась священной птицей, она обожествлялась, силуэт вороны древние тюрки изображали на коронах своих каганов. Перед каменными изображениями каганов при их захоронении на серебряном блюде выкладывалась баранья голова вместе с *муше*, значимыми частями туши животного.

Казахский наследовал многие традиции и обычаи древних тюрков: церемонию «көрісу» – встречи, приветствия, благопожелания на Наурыз (в день весеннего равноденствия); эндемический обычай гостеприимства, когда в знак особого почитания уважаемого гостя преподносится баранья голова, раздаётся *муше*; принципы облавной охоты, широко использованные в казахской степи; символизацию образа вороны, что нашло отражение в языке в виде метафор, сравнений, отдельных выражений – *қарға бойлы Қазтуған, қарға тамырлы қазақ, қарға адым, қарғам, қарғашым. Қарға тамырлы қазақ* – обозначение глубинных родственных связей, генетического единства казахов; *қарға адым* – близкое расстояние (ср. с русским выражением *воробынный скок*), символично, что расстояние не измерялось шагом какого-либо другого

животного или птицы; *қарғам, қарғашым* – выражение любви, нежности, эмоционально-эстетического отношения к детям и близким людям в неформальном общении (Жолдасбеков и др. 2006: 11).

Концептуальный смысл слова *ер* до сих пор сохранилось в понимании казахского народа и нашло отражение в современном казахском языке в виде множества пословиц, поговорок, выражений.

Основные моменты погребального ритуала древних тюрков такие, как оплакивание (жоктау), оказание материальной помощи семье умершего, раздача личных вещей, проведение поминальных асов, возведение мазаров (пусть не столь величественных, как у древних тюрков) являются реалиями культуры, тюркских народов, казахского народа. Известно, что у казахов как и у других тюркских народов есть несколько обязательных дат поминания после смерти: 3 дня, 7 дней, 40 дней, (100 дней в некоторых областях Казахстана) и годовщина. Годовые поминки казахи называют «ас» (ас-угощение, жылы -годовщина), который, как и у древних тюрков, главный и завершающий обряд поминального цикла. На них семья покойного, в соответствии со своими возможностями, приглашает большое число гостей. Как и в эпоху древних тюрков, приглашение персон, занимающих высокий социальный статус, является очень важным. «Ас» требует больших расходов и хорошей организации. У киргизского народа в день завершения поминок «аш» устраивают обряд снятия траура—«аза кийим которуу». Близкие родственники покойника, жена, дочери снимают траурную чёрную одежду и сжигают. Вся посуда, на которой варились поминальные блюда, оставляли на несколько дней в перевёрнутом состоянии, а изображение умершего «тул» отвозили на могилу. На могиле умершего, как в эпоху древних тюрков, ставят поминальный камень, обелиск, на котором высекаются дата жизни и смерти, род. Только после выполнения этих обрядов семья, род покойного могли перейти к нормальной повседневной жизни.

Несмотря на героико-эпический характер древнетюркских текстов, значимыми для понимания древнетюркского мира являются описанные нами традиции, ритуалы и обычаи как формы превращенного сознания, как важные источники хранения и передачи знаний о древнетюркском мире. Традиции, ритуалы и обычаи древних тюрков представляют не только и не столько этнические культурные константы, сколько дают возможность раскрыть ментальный мир древних тюрков, их миропонимание и мировосприятие, показывают уровень их когнитивных способностей и единство с окружающей природой.

Литература

- ГУМИЛЁВ, Л.Н. (1993), *Древние тюрки*, Москва, Издательство Тов. «Клышников-Комаров и К».
- ЗУЕВ, Ю.А. (2002), *Ранние тюрки: очерки истории и идеологии*, Алматы, «Дайк-Пресс».
- ЖОЛДАСБЕКОВ, М. и другие (2006), *Атлас Орхонских памятников (перевод Жолдасбеков М., Шаймердиновой Н., Сарткожаулы К.)*, Астана, Кюль-тегин.
- КЛЯШТОРНЫЙ, С.Г. (2003), *История Центральной Азии и памятники рунического письма*, Санкт-Петербург, Филологический факультет СПбГУ.
- КЫЗЛАСОВ Л.Р. (1966), «О значении термина *балбал* древнетюркских надписей» *Тюркологический сборник к 60-ю А.Н.Кононова*. Москва, Наука С.206-208.
- LEVI STRAUSS, Cl. (1962), *Le totemisme aujourd'hui*, Paris.
- МАЛОВ, С.Е. (1951), *Памятники древнетюркской письменности*, Москва-Ленинград, Наука.
- МЕЛИОРАНСКИЙ, П.М. (1899), *Памятник в честь Кюль-тегина*, Санкт-Петербург, ЗВОРАО.
- ТАЙЛОР, Э.Б. (1989), *Первобытная культура*, Москва, Издательство политической литературы.
- ШАЙМЕРДИНОВА, Н.Г. (2009), *Репрезентация в языке древнетюркской картины мира*, Астана, Арман-ПВ.
- ШАЙМЕРДИНОВА, Н.Г. (2014), *Древнетюркская картина мира в текстах письменных памятников*, Астана, Евразийский национальный университет.

